

и имагиум регионами с жесткой границей. Это параллельные пространства, пересекающиеся в человеке. Например, социум не делает человека свободным от природы, люди продолжают болеть, испытывать сексуальное влечение и пр. Покинув общество и уединившись в лесу, не избавиться от социальной интенциональности, способности без непосредственного контакта рассматривать предметы природы. Присутствие в Интернете под разными никами позволяет быть разным в виртуальной реальности, но быть одним как часть природы и социума (не исключая многомерности последнего).

Литература:

1. Емелин В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва. 1999

2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб, 1999

3. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М., 2000

4. Ihde D. A Phenomenology of Technics // Philosophy of technology: the technological condition: an anthology. Ed. by Robert C. Scharff, Val Dusek. Wiley-Blackwell, 2003. – P. 507-529

5. Ihde D. Experimental phenomenology: an introduction. G.P. Putnam's Sons, 1977

6. Mensch James R. Postfoundational phenomenology: Husserlian Reflections on Presence and Embodiment. University Park: Pennsylvania State UP, 2001

7. Mensch James R. Post-modern Phenomenology, in Phdnomnologie und Postmoderne, ed. Ivan Blecha, Olomouc: Acta Univerzitis Palackianae v Olomucensis, Philosophica, Vol. 6, 2005. – P. 221-235

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Малышев
Михаил Алексеевич

кандидат философских наук, профессор Автономного университета штата Мехико, академик МАДИ (Толука, Мексика)

E-mail:
manolasepulveda@
yahoo.com.mx

В последние годы термины *виртуальность* и производное от данного существительного прилагательное *виртуальный* (*ая*), (*ое*) буквально заполонили языки народов земного шара. Эта экспансия вызвана многими обстоятельствами: изобретением Интернета, вторжением в нашу жизнь мобильного телефона, неуклонным ростом технических и визуально-аудитивных возможностей средств массовых

информаций, а также повышением эвристических и практических функций прогнозирования многообразных вызовов, порожденных негативными последствиями антропогенной деятельности человека на природу, и несущих разнообразные угрозы жизни не только для нынешних, но и будущих поколений. Опасности, проистекающие из непредвиденных последствий непреднамеренного вмешательства человека в природу или накопления неконтролируемых побочных эффектов его деятельности, неожиданно суммируются и производят иллюзию потери опыта прошлого. Это создает впечатление незавершенности нашего существования и делает более очевидным, чем раньше, идею о том, что всякая «станция» прибытия в настоящее – это всего лишь транзитный пункт на пути следования в неизвестное, неведомое и виртуальное. Конденсация инноваций приводит к вторжению будущего в настоящее: прогнозы и проекты, нацеленные на грядущие преобразования, властно

накладываются на решение, реализуемые уже сегодня. Но одновременно при этом снижается вероятность того, что будущие проекты осуществляются в соответствии с критериями прошлого. Нарастание ритма перемен ведет к тому, что наше восприятие длительности событий сжимается во времени, и нам кажется, будто кто-то, вопреки нашей воли, обрекает нас на жизнь в постоянной спешке.

Сегодня мы говорим о *виртуальных мирах, виртуальных катаклизмах, виртуальных возможностях, виртуальном пространстве, виртуальном времени, виртуальной истории и, виртуальных событиях*, тогда как в недалеком прошлом значение термина «виртуальность» сводилось в основном к понятию «потенции». Так, например, в философском словаре Николя Аббаньяно, вышедшем в 1960 году Турине, говорится, что виртуальное – это то же самое, что и потенциальное, а далее читатель отсылается к термину «потенция», значение которого восходит к «Метафизике» Аристотеля. Комментируя это значение, Аббаньяно утверждает, что понятие потенции содержит в себе *фундаментальную двузначность*, поскольку она может быть интерпретировано: А) как возможность; В) как преформированность, а стало быть, как преддетерминированность или предсуществование действительного¹. Хотя далее сам же философ вынужден признать, что в реальном языковом употреблении весьма трудно отграничить первое значение от второго.

Если говорить об этимологии слова виртуальный, (на английском и испанском – *virtual*, на французском – *virtuel*, на итальянском – *virtuale*), то оно происходит от латинского термина *virtus* – сила, способность, как, впрочем, и однокоренное ему слово: *virtu, vertu, virtue, virtud*, которое с итальянского, французского, английского и испанского переводиться на русский как добродетель. Можно сказать, что виртуальность – это то, благодаря чему (*virtus*) возникают предпосылки для возможности осуществления какого-либо действия или события, которое в настоящее время еще не произошло, но вероятность реализации которого остается открытым. Следовательно,

виртуальность – это то, что предшествует действительности и создает возможность ее актуализации, или в терминах Аристотеля, обеспечивает переход потенции в акт.

Однако сегодня термин «виртуальность» употребляется не только как синоним потенции, но и обозначает способность человека создавать воображаемые искусственные миры, которые являются не столько отражением свойств реального мира, сколько, если так можно выразиться, его «чистым творением». Говоря метафорично, человек пытается взять на себя функции Бога: создать воображаемый мир, по крайней мере на уровне литературных или электронных фантазий в виртуальном пространстве и времени. При этом нельзя исключать возможности того, что человеку когда-нибудь удастся заменить естественный процесс эволюции и естественного отбора генной инженерией и сконструировать себя на иных основах, чем это сделала мать-природа. Разумеется, эта идея – отдаленная виртуальная возможность, но она заставляет нас уже сегодня задуматься о том, что является подлинно человеческим в нынешнем человеке – ветхом Адаме? Какого рода человека мы хотели бы получить искусственным путем? И откуда мы могли бы взять модель существа, которого нам стоило бы произвести методами генной инженерии?

Реальность настоящего – необходима по отношению к реальности канувшего в небытие прошлого, но она случайна по отношению к виртуальной реальности не родившегося еще будущего. Следовательно, виртуальность – это синоним фантазии или дерзкой научной гипотезы, устремленной в неизведанное будущее, тогда как прошлое, увы, нельзя воскресить, ибо оно навеки осталось в прошлом, и на прошлое нельзя повлиять, ибо то, что случилось уже не может произойти по другому. Можно сказать, что прошлое уже не существует, в сущности, это – небытие. Но пока человек жив, его настоящее немисливо без памяти о прошлом. И поэтому виртуальный дискурс – имманентно присущий механизм нашему языку, связан не только с будущим, но и с прошлым. Этот механизм способен манипулировать не только

событиями будущего, но и возможными действиями в прошлом, действиями в принципе необратимыми, но осознаваемые в качестве виртуальных, как если бы мы, мысленно перенеслись назад, в ту временную точку, которая предшествовала уже совершенному действию, могли бы принять другое решение и поступить иначе. «Я бы мог» – это *иллюзия*, помогающая нам, тем не менее, «пробивать» *виртуальную брешь* в неизбежности фатума, «возвращать» или мысленно переиначивать однажды сделанное. Если бы человек был всегда доволен самим собой, то он никогда бы не употреблял глаголов в сослагательном наклонении, ни о чем бы не жалел, ни в чем бы не раскаивался и ни о чем бы не мечтал – словом, он прозябал бы в блаженстве ангельского идиотизма. Однако будучи существом незавершенным, вместо того, чтобы находиться в согласии с самим собой, человек озабочен тем, чтобы сделаться другим, превзойти себя в будущем. Несмотря на всю очевидность необратимости случившегося, человек хотел бы также «изменить» и свое прошлое, «переиначить» свою судьбу, обратить время вспять, чтобы из упущенных возможностей мысленно извлечь «максимальную выгоду». Следовательно, сослагательное наклонение не столько смягчает бремя утрат, вызванных необратимостью времени, но и учит нас использовать уроки нереализованных возможностей в будущих ситуациях. События прошлого произошли, *случились окончательно*, но опыт, лежащий в их основе, а главное – их оценки, несомненно, могут претерпеть существенные изменения по мере их удаления во времени. Если бы это было не так, то изучение прошлого не имело бы для нас существенного практического значения. Можно сказать, что «я бы мог» – это не только сожаление или упрек, но и назидание: бессильный что-либо сделать со своим прошлым, я, тем не менее, могу его объяснять и извлекать из него полезные для себя уроки.

Девиз сослагательного наклонения – «если бы мы могли» – это признания необратимости времени, невозможности вернуть или переиначить однажды случившееся и, одновременно, – попытка посмотреть на прошлое глазами настоящего, оценить неизведанные

или неиспользованные возможности, которые существовали в нем, по крайней мере в потенции, но которые мы, свидетели минувшего, не умудренные достаточным жизненным опытом, не сумели или не смогли тогда распознать и только теперь, с высоты настоящего способны составить о них более адекватное суждение. Иногда человек затрачивает огромные усилия, чтобы стать тем, кем он является. Но потом он спрашивает себя: а стоило ли? И не перестает терзаться тем, что это сомнение не посетило его еще до того, как исчезла возможность выбора иной жизненной стези. Сколько времени и сил могли бы мы сберечь, если бы не были обманутыми в своих ожиданиях! Следовательно, сослагательное наклонение может инициировать процесс переосмысления того, что ранее считалось твердо установленным мнением, и которое теперь, по происшествию времени, нас уже не удовлетворяет.

Переосмысление прошлых поступков связана с неотложностью практического выбора, к которому нас побуждало настоящее в прошлом, и эта спешка, продиктованная императивом – действуй!-, лишила нас возможности надежно обосновать стратегию выбора, а главное – предвидеть вероятности негативных последствий, которые из него вытекали. В некоторых случаях, наше неведение (или невежество) полностью парализует благие намерение нашего действия, как это, например, случается тогда, когда по оплошности вместо целебной микстуры мы выпиваем жидкость, вызывающую интоксикацию организма. В других случаях мы начинаем действовать, опираясь на сомнительно-зыбкие достоверности, как это происходит, например, при выборе профессии, заключении брака или определения стратегии вложения капитала. Мы часто упускаем из виду важные жизненные ориентиры, не располагаем достаточными сведениями, обеспечивающими достижение желаемых результатов, легко обещаем, а потом раскаиваемся за легковесное слово, размениваем жизнь на мелкую суету, и, как это ни парадоксально, единственное, что мы можем предсказать – это то, что будущее непредсказуемо. Одним словом, часть своей жизни мы тратим на ожидание того, что, возможно, никогда не произойдет, а другую часть

мы расходуем не преодоление последствий собственной непредусмотрительности. И тем не менее ироничная поговорка насчет того, что человек всегда крепок задним умом, вовсе не означает, что сослагательное наклонение совершенно бесполезно или бессмысленно.

«Время настоящего – это *настоящее* время» суть аксиома, конституирующее реальность нашего бытия. Все люди, обитавшие когда-то в прошлом, будь-то сотню или тысячу лет тому назад, жили в *своем настоящем* и были озабочены *своим будущим*, которое, как и сейчас для нас, так и тогда для них, казалось открытым и исполненным неизведанных возможностей. И хотя в каждое мгновение нашего бытия мы находимся в настоящем, наша забота и наша память делают его не вполне пригодным для обитания. С другой стороны, всякое завтра неминуемо превращается в сегодня, возможное становится реальным, и эта непрерывная метаморфоза нередко приносит нам разочарования, ибо настоящее расколдовывает иллюзии прошлой надежды на будущее. И тем не менее никакая опора на прошлый опыт не освобождает настоящее от риска заблуждения, ибо настоящее находится во власти чар будущего, внушающего нам мысль о том, что виртуальность обладает гораздо большими потенциями, нежели реальность настоящего, опирающаяся на «капитал» прошлого. И хотя мы прекрасно понимаем, что прошлого не вернуть, тем не менее упущенные возможности заставляют нас сокрушаться: «А ведь мы бы могли..., да еще как!». Будущее открывает перед нами широкий веер возможностей, но реально мы можем выбрать только одну из них, ибо настоящее автоматически отсекает все остальные варианты выбора. Это осознание каждого поступка как действия, чреватого утратой виртуальных альтернатив, было присуще Кьеркегору, определившему свою жизнь как промежуточный пункт между *нечто* и *ничто*, как вечное *может быть*.

Проходят годы, и наученные горьким жизненным опытом, мы начинаем понимать неудачность или ошибочность своего выбора, но, увы, оказывается, что мы спохватились слишком поздно, и у нас просто-напросто не хватает времени, чтобы исправить промахи,

вызванные предыдущим решением. Воистину, кого в прошлом не сумел убедить разум, того, возможно, сумеет образумить время, правда, к сожалению, иногда слишком поздно, чтобы можно было бы снова взяться за ум – переделать сделанное и выбрать себе иной путь. Однако удел сослагательного наклонения – это не только горечь сожаления; иногда оно может выполнять и терапевтические функции. Например, когда с нами приключается неприятный казус, то мы, мысленно проигрывая возможные альтернативы, невольно примиряемся с судьбой, понимая, что случившееся – это далеко не самый худший исход, ибо остальные варианты могли бы закончиться для нас гораздо плачевнее.

Существование человека – это непрерывная цепь переживаний, в которых мыслительное содержание тесно сцеплено с его аффективно-чувственным отношением к внешней действительности и к собственному внутреннему миру. Наши чувства переживают реальность, но не с точки зрения фактической, а с точки зрения *магической*, как она воспринимается в свете нашей вины и стыда, мести и печали, тоски и зависти, надежды и отчаяния. Рожденные неотложностью случившегося, многие наши чувства возникают и быстро исчезают в бурном водовороте непрерывно сменяющихся жизненных ситуаций. Тем не менее некоторые эмоции мы можем «горячо» переживать на протяжении многих лет, как, например, это случается с чувством вины, мести, стыда, тоски, любви, восхищения или надежды.

В основе дискурса переживания чувства вины лежит осознание необратимости времени и иррациональное стремление мысленно переделать или отменить случившееся. Сознание виновного, словно заезженная пластинка, как бы заикливается на том моменте в прошлом, который привел его к роковому событию. Можно сказать, что в переживании вины присутствует какое-то монотонное пережевывание одного и того же аффективного состояния: невозможности вытеснить из сознания воспоминание о позорном поступке и упорно возобновляемое желание отделаться от него. Если ностальгия – это сожаление о прошлом, которое сопровождаются положительными

эмоциями, окрашенными светлой грустью, то вина, напротив, выражает сожаление о «проклятом» прошлом, которое помимо нашей воли с невротической навязчивостью вклинивается в настоящее и заслоняет, подобно высокой стене, весь горизонт будущего. «Проклятое прошлое» (с момента рокового проступка до печального настоящего, в котором он переживает) изолирует субъект вины не только от будущего, но и от того «безоблачного минувшего, которое предшествовало мучительному событию – предмету его терзаний. Мы хотели – о, как бы мы хотели! – изгнать, вычеркнуть из своей памяти все следы, все намеки на исполненный нестерпимой горечи момент прошлого, и перенестись в состояние невинности, который предшествовал позорному событию! Нам кажется, что если бы прошлое было обратимым, то мы могли бы спастись от терзающих нас угрызений совести, но, одновременно, мы понимаем, что никто, ни даже сам Бог, несмотря на всё свое могущество, не смог бы сделать бывшее небывшим. Так и наша воля: она может сотворить нечто, но только, увы, она не может вернуть назад, отменить, стереть однажды происшедшее. Это, кстати сказать, объясняет и то, почему в сознании субъекта, переживающего угрызение совести, его прошлые проступки выступают в значении отчужденных и враждебных ему сил, которые он пытается безуспешно отменить или переиначить в сослагательном наклонении.

Подобно переживанию вины месть – это также *магическое чувство*, выражаемое в сослагательном наклонении. В романе Достоевского «*Братья Карамазовы*» Иван размышляет о том, что никакая колдовская сила не смогла бы вернуть матери восьмилетнего сына, растерзанного охотничьими собаками, науськанными на него помещиком только за то, что мальчик, играя, случайно швырнул камешек и повредил лапу любимого пса своего хозяина. Иван спрашивает Алешу: как искупить муки растерзанного ребенка? Вечным страданием палача в аду? Но какой от этого прок, если преступление уже совершено, ребенок растерзан, и никакое богатство мира не может вернуть его к жизни. Уничтожив убийцу, могли бы мы преодолеть последствия его жестокости? Никакая

месть не способна вернуть жизнь ребенка, и тем не менее только «справедливость», закона талиона, пусть грубая и нецивилизованная, может, как иногда нам кажется, в какой-то мере воздать, отплатить мучителю за жестокие муки невинной жертвы.

С точки зрения испанского психолога Карлоса Гурмендеса, «первое условие зарождения мести состоит в том, что нанесенная обидчиком рана превращается в гнойную язву нестерпимой обиды, которая, проникая в самые потаенные недра человека, пускает там свои глубокие корни»². Переживание чувства мести носит по-преимуществу реактивный характер; «обрекает» обиженного человека страдать от неспособности «заставить» будущее исцелить душевные «раны», причиненные ему обидами прошлого. Эта «импотенция» памяти предать забвению или простить обиду прошлого перерождает боль от обиды в злобу – зловещее чувство, питающее собой переживание мести. Самое опасное в человеке, снedaемого жаждой мести, – это даже не злоба, а неукротимая страсть оживить, не дать угаснуть своей боли от оскорбления, заставить обидчика возместить «долг» за причиненную ему обиду. Но между нестерпимым желанием и возможностью претворения в жизнь этого импульса простирается временной интервал, заполненный планами и действиями, направленными на подготовку к осуществлению мести. Отомстив, наконец, обидчику, мститель чувствует себя умиротворенным; он считает, что его недруг «заплатил» за причиненный ему ущерб. Ему кажется, что следы нестерпимого унижения, хранимые в его памяти, постепенно развеются, и время залечит его душевную боль. Одержимый чувством мести, может, конечно, понимать, что незаслуженная обида не станет заслуженнее, если воздать обидчику по заслугам. Но память о причиненном зле будет сопровождаться воспоминанием о заслуженном воздаянии, и это, несомненно, смягчит недовольство обиженного. Справедливость такого утверждения может засвидетельствовать любой участник банальной уличной потасовки, который искренно заверяет своих товарищей по драке, что, несмотря на разбитую челюсть, ему становится немного веселее,

когда он вспоминает о разбитом носе у субъекта, выбившего у него зуб.

Почему месть, будучи иррациональным чувством, так глубоко укоренена в недрах психической жизни человека? На этот вопрос Эрих Фромм отвечает так: «В некотором смысле месть – это магический акт: уничтожив человека, совершившего злодеяние, мститель магически преодолевает последствия его деструктивного действия. Последнее подтверждается высказыванием: «наказание – это оплата преступником своего долга»; можно сказать, что месть – это магическое возмездие; но если это так, то почему желание воздаяния является таким глубоким? Может быть, это происходит оттого, что человек наделен элементарным чувством справедливости, и не исключено, что это глубинное чувство проистекает из его стремления к «экзистенциальному равенству»... Пусть человек не всегда может защититься от причиненного ему ущерба, но в своей жажде возмездия он пытается перевернуть страницу, магически смыть нанесенную ему обиду... Но существует и другая причина: когда рушится надежда на Бога или на земные власти человек пытается взять справедливость в собственные руки. Его страсть к возмездию как бы замещает самого Бога и ангела мести»³.

Это иррациональное желание человека, искушаемого мезтью, снять с себя нестерпимое заклятие обиды путем воздаяния и предстать в собственных глазах в качестве поборника справедливости, пожалуй, с наибольшей отчетливостью проявляется в его грезах и снах, когда обиженный совершенно безотчетно наносит своему обидчику десятки а то и сотни смертоносных «виртуальных ран». Бросить вызов врагу и даже безжалостно убить его... в собственном воображении с позиции сознания обиженного – это значит, пережить иллюзию справедливости, обогатить свою фантазию, а главное, избежать риска, связанного с ответной мезтью. Можно предположить, что без опоры на этот полубессознательный виртуальный дискурс, закодированный в глубинах нашей психики, дело гуманизма, апеллирующего исключительно только к разуму, долгу и чести, было бы менее эффективным. С точки зрения

Чорана, отменить воображаемую мезть – это значит превратиться в заложника идеи прощения, ибо помилованный недруг порождает в нашей душе смятение, особенно тогда, когда мы решили победить его своим презрением. Мы можем искренне простить его лишь тогда, когда до нас дойдет весть о его позоре, а к окончательному примирению с ним нас может привести только созерцание его могилы. С точки зрения Чорана, мезть – это отрава, и тем не менее, «она – ближе нашей природе, нашим переживаниям и к нашему закону; в ней содержится больше здоровья, нежели чем в великодушии. Могущество Фурий превышало власть богов и даже могущества самого Юпитера. Мезть предшествует божеству. Именно в этом утверждении заключено высшее прозрение античной мифологии»⁴.

Поистине пути проявлению агрессивных импульсов человека неисповедимы! Как хорошо, что виртуальный дискурс в сослагательном наклонении помогает сублимировать его бестияльность, не нанося при этом значительного ущерба ни существованию его близких, ни репутации его собственной чести и достоинства. Ведь человек обычно раскаивается за высказанное и не переживает за невысказанное именно потому, что для раскаяния за невысказанное требуется признание единственного свидетеля – собственной совести. Но нереализованные мотивы, подавленные его сознанием, – это сугубо личное дело человека. Терпимость к наклонностям, не вышедшим за рамки нашего внутреннего мира, освобождает нас от патологических подозрений в собственный адрес и от мазохистских самобичеваний. Перефразируя высказывания Теренция, можно сказать: «я человек, и ничто дьявольское моим бессознательным переживаниям и моему воображению не чуждо и не опасно», если, конечно, они не выйдут за рамки виртуального дискурса в сослагательном наклонении.

1. Abbagnano Nicola. Diccionario filosofico. La Habana, 1971, p. 939.

2. Gurmíndez Carlos. Tratado de las pasiones. Мéxico, 1986, p. 142.

3. Fromm Erich. Anatomía de la destructividad humana. Мéxico, 1997, p. 251.

4. Cioran E. M. Historia y utopía. Barcelona, 1988, p. 90.